

18+

Ольга Суханова

ДОРОЖНАЯ ЛИРИКА

45
8

СТИХИ 2017–2020

Ольга Суханова
Дорожная лирика.
Стихи 2017–2020

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55329777
ISBN 9785449878168

Аннотация

«Дорожная лирика» – третий поэтический сборник Ольги Сухановой. В книгу вошли стихотворения, написанные после 2017 года, а также переводы с норвежского и датского языков.

Содержание

«Сколько еще качаться на волоске?..»	5
«Ночными рейсами – дешевле. Всю жизнь – с собой, в ручную кладь...»	6
Осколок	7
Полнолунное	8
«До полседьмого свет в окне...»	9
«Говорит, не заметил и сам...»	10
«В дороге, в городах, под сводами святыми...»	11
«Спрятать лодку и спалить причал...»	12
«То ты друг сердечный, то недруг лютой...»	14
«Так ждала «сдай билет и останься...»	15
«Путь начертан, да нам неведом...»	16
«Уезжай, не оставайся ни дня...»	17
Хабанера	18
«Ни минуты заветной, ни часа, ни дня, ...»	19
«Отболит, затянется, присохнет, ...»	20
«Ни напитокя нельзя, ни отпеться, ...»	21
Крылья	22
«А под утро сдавит тревожный сон...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дорожная лирика
Стихи 2017—2020
Ольга Суханова

© Ольга Суханова, 2020

ISBN 978-5-4498-7816-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Сколько еще качаться на волоске?..»

*Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.
Б. Окуджава*

Сколько еще качаться на волоске?
Рано ли, поздно, – лопнет струна-черта.
Кровью с соплями выведешь на песке:
Господи боже, чем я ему не та?
Небо над головой не меняет цвет —
Светлый восход не виден, далек-высок.
Мертвою рыбой звонко молчит в ответ
Теплый от крови, темный сырой песок.

«Ночными рейсами – дешевле. Всю жизнь – с собой, в ручную кладь...»

Ночными рейсами – дешевле. Всю жизнь – с собой,
в ручную кладь.

От робких мыслей до решений – полвздоха. Нечего
терять.

То, что звенело и искрилось, манило вдаль, тянуло ввысь,
Ты приняла и согласилась. Садись, заткнись
и пристегнись.

Пусть не дворцы и замки вижу, а только петли белых
трасс,

Пусть не случилось быть в Париже, но в Лиллехаммере –
сто раз.

Опять в лицо холодный ветер, опять по снегу
шелест лыж,

Опять – острее всего на свете – край счастья.

К черту тот Париж.

Осколок

Разобьешь меня – подбери осколок.
Будет острым край, словно сто иголок.
Осторожно – пальцы бы не поранить —
положи в карман и припрячь на память.
Положи в карман да носи с собою.
От чего смогу – от того укрою.
Пересуды, сплетни и кривотолки
разлетятся в пыль от краев осколка.
Сберегу в степи и в долине горной.
Покажи, кому, – перережу горло.
Но извилист путь, и непрост, и долог, —
потеряешь ты оберег-осколок.
Удивишься, как все переменялось:
было ясным небо, и вдруг – немилость,
и к другим ушла от тебя удача.
А в траве осколок лежит и плачет.

Полнолуное

Нет покоя в полнолуние мне:
что там, на серебряной Луне?

В телескоп из всей большой Луны
лишь моря и кратеры видны,

и – подкладка сбывшегося сна —
спрятана другая сторона.

Отвернулась от нескромных глаз.
Мне ее увидеть хоть бы раз:

там разливы света и тепла,
райских птиц цветастые крыла,

там не тучи в небе – облака,
там зима легка и коротка,

там не встретишь запертых дверей,
там играют лютня и свирель...

на обратной стороне Луны
мы с тобой друг другу суждены.

«До полседьмого свет в окне...»

До полседьмого свет в окне,
а там – восхода шорох робкий.
Ты будешь врать своей жене
про севший телефон, про пробки,
про совещание в ночи.
Она поверит – хочет верить.
Спрячь понадежнее ключи
от обветшавшей рыжей двери.
Одна останусь – что ж теперь! —
и буду радоваться маю...
А к выходным покрашу дверь,
хотя замок не поменяю.

«Говорит, не заметил и сам...»

Говорит, не заметил и сам,
как накрыло волною, —
и с тех пор по следам, по пятам
так и ходит за мною.

Не клянется в любви неземной,
не робеет нелепо —
только ходит и бродит за мной,
дарит звездочки с неба.

Не окликнет и не позовет,
не нарушит покою —
просто следом за мною идет,
словно я за тобою.

«В дороге, в городах, под сводами святыми...»

В дороге, в городах, под сводами святыми,
в вагонах поездов, в тавернах на пути —
езде на все лады твое я пела имя,
не прячась, не боясь границу перейти.
Души не берегла, была прямой и смелой.
Но хватит о тебе – боюсь допеть до дна.
А песню о другом я, может бы, запела, —
да именем твоим гортань обожжена.

«Спрятать лодку и спалить причал...»

Спрятать лодку и спалить причал,
не пускать в далекие края,
чтобы ты нигде не повстречал
песенки нежнее, чем моя?

Вот еще! Ищи себе свищи.
Песен на земле – не перепеть.
Теплый хлеб достану из печи,
соберу тебе в дорогу снедь.

Бог, порог, к окну не обернусь.
Сотни песен встретишь ты в пути.
Выучи те песни наизусть,
чтобы их с собою унести.

Сколько слов запомнишь, сколько нот, —
и с тобой, одна другой резвей,
песни для пиров и для охот,
песни для красоток и друзей.

Но встречая вражескую рать
и дразнясь у ада на краю,
ты неслышно будешь напевать

простенькую песенку мою.

Сам не вспомнишь, что же за мотив, —
напоешь, не думая о том.

Песенка, удары отразив,
обернет невидимым щитом.

А в моих краях – снега да лед,
и кругом метель стоит стеной.

А тебя хранит и бережет
песенка, придуманная мной.

«То ты друг сердечный, то недруг лютый...»

То ты друг сердечный, то недруг лютый,
то насмешник-бритва, а то жених.
Сорок тысяч братьев меня не любят,
ты один не любишь сильнее них.

Приводил к реке, где спокойна заводь,
где сквозь ветви ивы видна вода.
Обещал, что к лету научишь плавать.
Посмотрелась в реку – бледна, худа...

Разве я понравлюсь кому такая —
влет, по-настоящему, наяву?
Стылая вода по лицу стекает.
Я плыву, ты видишь? Смотри, плыву!

«Так ждала «сдай билет и останься...»

Так ждала «сдай билет и останься»...
Нет – так нет. И ни слез, ни обид, —
лишь в тревожно танцующих пальцах
непослушная пряжка звенит,
лишь под громкое boarding completed
отключу телефон. Насовсем.
Все разбито, забыто, зарыто.
Да, такси заказала. На семь.
Наспех кинула в сумку все вещи
да со вкусом спалила тетрадь.
И никто никому не обещан.
Спинку выпрямить, столик убрать.

«Путь начертан, да нам неведом...»

Путь начертан, да нам неведом.
Я не вместе – я рядом, следом.

В зной безводный, в метель лихую
стерегу, берегу, страхую.

Зубы стиснула и не ною.
Я не об руку – за спиною.

«Уезжай, не оставайся ни дня...»

Уезжай, не оставайся ни дня:
день прошляпишь – пропадешь навсегда.
Скорым поездом «Париж – Усть-Тыря»,
скорым поездом «не там – не туда».

Не оглядывайся. Только вперед.
Чай купи – а больше нет ни рубля.
Стукни ложкой, и стакан пропоет
эталонное хрустальное ля.

Рельсы-шпалы, вдоль путей тополя,
в подстаканнике трепещущий чай.
С новой строчки, с безупречного ля, —
соберись, хоть в этот раз не слажай.

Хабанера

Мурлычь хабанеру, бросай солдатне цветок, —
пусть взор оторвут от худых загорелых ног
и жадно сглотнут.

А где-то вдали по тебе наточили нож.
Ты знаешь, ты чувствуешь это. Да ну и что ж,
пока подождут.

Танцуй, с кем успеешь, – и с этим, и с тем, и с тем.
Не знает краев, границ, берегов и стен
прямая душа.

И танец пылает, и наземь летит цветок,
и ближе твой нож, и острей по тебе клинок,
и слаще дышать.

«Ни минуты заветной, ни часа, ни дня, ...»

Ни минуты заветной, ни часа, ни дня, —
Перед богом-людьми не признаешь меня.
Но крапленую картой держи в рукаве
И постыдную мыслью крути в голове,
И отчаянным словом – рубя и грубя,
И последним патроном – на край, для себя.

«Отболит, затянется, присохнет, ...»

Отболит, затянется, присохнет, —
хватит ныть, что вся в соплях-крови.
Сколько раз уже хотела сдохнуть?
Выплыла. И в этот раз плыви.

Ничего, что лет давно не двадцать, —
силы есть, упрямства через край.
Выплывешь, куда тебе деваться?
Все, что вниз тянуло, убирай:

спрятать, закопать, засыпать яму,
и – вперед, былого не храня.
Если б каждый оставлял по шраму —
было бы три шрама у меня.

«Ни напиться нельзя, ни отпеться, ...»

Ни напиться нельзя, ни отпеться, —
нет ни песен тебе, ни воды.
Беззащитное звонкое сердце
каждый миг ожидает беды:
замирает, дрожит bestолково.
Что трепещешь? Скажи, почему
я не просто по первому зову —
я без зова бросаюсь к нему?
Так беспомощно и безоглядно
рвусь в спокойный надежный уют —
где не страшно, где вместе и рядом,
где напоят и где отпоют.

Крылья

Вальсируя, маски кружили,
и, как ни бурлил карнавал, —
по алым пылающим крыльям
всегда ты меня узнавал.

Потрепаны, наживо шиты, —
вон пластырь да след от иглы.
Прости меня, мой подзащитный,
что крылья совсем не белы.

Победы на грани провала,
летучая легкая прыть...
Я алыми так укрывала,
как белыми в жизнь не укрыть.

...а ангелы все белокуры,
все розы там да соловьи...
Из содранной заживо шкуры
кровавые крылья мои.

«А под утро сдавит тревожный сон...»

А под утро сдавит тревожный сон:
пережить твоих и подруг, и жен, —
и пойти на край, и зайти за край,
и услышать: «Ладно уж, забирай»,
и увидеть – в небе дрожит заря.
Все пути-дороги прошла не зря...
Усмехнуться ангелу-трубачу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.